

Россия и Европа

Встреча Свободного университета «Русской мысли»

13 мая в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы в Москве состоялась вторая встреча недавно созданного (см. «РМ» №4262) Свободного университета «Русской мысли». Встреча была посвящена обсуждению отношений между Россией и Европой; этой теме (в разных планах и с разных точек зрения) предполагается посвятить серию дальнейших встреч-семинаров.

13 мая западным участником и главным докладчиком была итальянская журналистка, историк по образованию, член редакционного совета «РМ» и постоянный корреспондент крупнейшей итальянской газеты «Стампа» в Париже Барбара Спинелли. Один из постоянных предметов ее анализа и изучения — развитие единой Европы с точки зрения социального и человеческого достоинства этой молодой формации, не до конца еще нашедшей свою внутреннюю культурную и духовную сущность. Барбара Спинелли работает сейчас над книгой «Память Европы», в которой рассматривает тоталитаризм двух окрасок и двух типов, тер-

завший Европу в XX веке, и приходит к выводу, что это по сути своей одно и то же явление.

Основная идея Свободного университета заключается в том, чтобы каждый раз проводить дискуссию с участием западноевропейца, которому интересна Восточная Европа, в частности Россия (на следующей встрече, которая назначена на 18 июня, гостем с Запада будет академик Ален Безансон).

Встречу 13 мая открыла Ирина Иловайская; затем краткое вступительное слово произнес протоиерей Иоанн Свиридов, после чего Барбара Спинелли прочитала доклад, который мы здесь публикуем в русском переводе. Из последовавшей долгой дискуссии, мы публикуем только те выступления, которые содержали ответ на заданные итальянской журналисткой вопросы; ее главной темой в контексте общеевропейской ситуации оказалась острая и спорная тема конфликта в Югославии: взгляд с Запада и взгляд с Востока. Вел встречу В.А.Ярошенко.

Прот. Иоанн Свиридов:

Главная тема нашей встречи — выступление Барбары Спинелли, и мы рассчитываем на серьезный отклик: это не просто семинар — мы хотим начать совершенно новую работу, которая состоит в высказывании разнообразных и, может быть, очень спорных точек зрения, для того чтобы был диалог и развитие.

Думается, все присутствующие в этом зале разделяют одну и ту же точку зрения: Россия и Европа не только предполагают чужое единство; Россия и Европа — понятия неразделимые; если мы будем делить Европу и Россию географически, из этого ничего не получится. У нас давно уже всякий период — «кризисный». Кризис — это греческое слово, обозначающее суд истории. Мы живем в то время, когда на этом суде каждый из нас имеет возможность сказать свое обвинительное или оправдательное слово и тем самым прийти к справедливости. То, что творится сейчас в России, далеко от положительных институтов власти. Мы — в стороне от власти, но, тем не менее, имеем право высказывать свою точку зрения; в данный момент имеем возможность говорить свободно; и эту возможность нужно использовать — даже не ежедневно, а ежечасно, чтобы оправдать свое существование в этом мире.

Здесь слово «оправдание» имеет уже экзистенциальный смысл — смысл личный: «оправдать свое существование в этом мире» значит говорить правду.

Виктор Ярошенко:

В прошлую нашу встречу, 12 марта, на заседании, посвященном открытию Свободного университета, когда мы впервые обсуждали тему европейского выбора России, мы договорились о переходе на более профессиональный уровень обсуждения конкретных проблем, которые стоят перед нашей страной и Европой в плане их взаимной интеграции. За это время произошло много событий: в тот же день, 12 марта, ряд европейских стран, бывших союзников СССР, вступили в НАТО; 24 марта начались бомбардировки Югославии; и многим из нас показалось, что проблема, которую мы обсуждали, стала неактуальной, а поворот России к Европе на многие годы задержится. Но вот прошло два месяца, и возникло ощущение, что, наоборот, все эти процессы могут происходить быстрее под воздействием событий на юге Европы.

Барбара Спинелли: «Не стоит ли Россия на распутье между страстями обиды и мнимого унижения и серьезным стремлением к возрождению и строительству?»

Меня пригласили участвовать в конференции, посвященной вопросу отношений между Европой и Россией, в этот очень особый для нашего континента год. В 1999 году родилась единая европейская валюта; это случилось в январе, но было осуществлено давно задуманного плана Сообщества, максимально ускоренным после падения Берлинской стены в 1989 году. Принято видеть в этом факте ответ западных политиков на воссоединение Германии и крушение коммунизма — сначала в Центральной и Восточной Европе, затем на той территории, где располагался Советский Союз, в том числе и в России. И в этом же году, 24 марта, начался военный ответ НАТО на сербскую агрессию в Косове.

Конфликт начался через десять лет после того, как Милошевич стал активно преследовать разные народности, живущие на территории бывшей юго-

славской федерации. Главные государства Западной Европы объединились с Соединенными Штатами Америки для этого ответа. Но реакция российских правящих кругов на акцию НАТО оказалась весьма враждебной.

Насколько мне известно, никто из российской интеллигенции или среди российских правозащитников не возразил и не выступил в защиту или в оправдание НАТО. Говорят о славянской или славянско-православной солидарности, которая якобы существует между Россией и Сербией. Говорят о широкой агрессии западных сил против маленькой славянской нации, а еще больше — об американской попытке подчинить себе мир с перераспределением сил после окончания холодной войны.

В России и, надо думать, в других славянских странах, возникших на развалинах СССР, есть какое-то чувство солидарности с маленькой славянской нацией, которая ощущает себя жертвой истории; никто при этом не думает о том, что у самой этой нации немало жертв. Даже знаменитые участники инкомиссии или сопротивления дошли до того — мы об этом слышали, — что сравнивают вмешательство НАТО в Югославию с завоевательными войнами Гитлера в Европе. В частности, я думаю тут о Солженицыне, который высказывался именно в этом смысле.

Опять-таки, насколько мне известно, не было никаких сравнений с той агрессивной и жестокой войной, которую Россия совсем недавно вела против Чечни. Тогда демократы выступили против военных действий российских вооруженных сил и разрушения Грозного. Но никто из них не выступил в защиту косовских албанцев, которым грозила депортация и, может быть, уничтожение. Такое молчание и такая отчужденность привели к возникновению глубокого рва между политической интеллигенцией в Европе и в России.

Российскому правительству, несомненно, предстоит сыграть большую роль в переговорах между Сербией и НАТО. Какой бы ни была эта роль, непонимание и недоразумения, которые уже возникли, бросят мрачную, словно тучи, тень на отношения между европейскими странами и Россией.

Но я пришла сюда не только для того, чтобы вместе с вами попытаться понять эмоции, вызванные в вас косовским конфликтом. Не хотела бы я ограничиться тем, чтобы анализировать новую и вызывающую серьезную тревогу трещину, которая чуть ли не на следующий день (в исторической перспективе) после падения Берлинской стены вновь разделяет континент, противопоставляя славян неславянам и православных неправославным. Для того, чтобы эта наша беседа была плодотворной, я хотела бы рассказать о двух основных типах реакции Западной Европы на падение Берлинской стены и на конец холодной войны. У каждого из этих двух типов реакций своя история. Они родились из различий в подходе к тому, что можно назвать коллективной памятью Западной Европы; в конечном итоге — из различия в суждении о веке, который приближается к концу.

Первый тип реакции — создание европейской валюты, а вместе с ней и сверхнационального учреждения, то есть Европейского центрального банка, которому поручен контроль над этой единой валютой. Банк этот работает в Франкфурте. Эта инициатива отражает желание основателей Европейского сообщества в первую очередь неразрывно связать друг с другом Францию и Германию. Миттеран и Коль почувствовали, что этой связи грозит опасность, с того момента, как пала Берлинская стена. Европейская валюта должна была укоренить Германию в Европе окончательно образом.

Несмотря на риторику и на изначальные обеща-

ния, европейская валюта еще не представляет собой настоящего ответа на конец холодной войны и на освобождение от коммунизма народов Восточной Европы. Тут доминирует именно проблематика двух войн века, в частности франко-германских войн. Гельмут Коль, говоря о необходимости единой валюты, не случайно повторял: «Вопрос единой европейской валюты — это вопрос войны или мира в XXI веке». Гельмут Коль раньше всех почувствовал значение для Европы изменений, происшедших на Востоке, но ко времени предвыборной кампании 1998 года он в чем-то уже отставал от эпохи. Для многих немцев проблема XXI века уже ничего общего не имела с войной или миром с Францией: все это ушло в прошлое.

Когда началась война в Косове, пробудились воспоминания совсем иного рода. С точки зрения европейцев, эта война вовсе не праведная, ибо для просвещенных народов не может быть праведных войн или идеологических оправданий войны. Война в данном случае — просто неизбежная и в то же время запоздалая. С опозданием в десять лет Европа осознала, что на Балканах поставлены под угрозу и ее этическая судьба, и ее геополитическое и стратегическое будущее. Тут определяются ее, Европы, новые границы, и не только политические, но границы цивилизации и сопротивляемости внешней опасности, границы культурные, светские и религиозные, антиоталитарные и антиинтергистские.

Тут мы подходим к вопросу о памяти века. Это уже не та память, которая вдруг, как в 50-е годы, возродилась в момент создания европейской валюты. Для памяти века — назовем ее так — или для сознания, чем был этот век, первостепенную роль играют уже не войны, а опыт тоталитаризма, нацистского и коммунистического. Мы уже не повторяем «никогда больше не должно быть войн», как говорили после окончания Второй Мировой войны и как стали вновь повторять после падения Берлинской стены. Мы говорим: «Никогда больше не должно, не может быть Освенцима, Колымы, депортаций неславянских народов», кем бы они ни были: татарами, ингушами, чеченцами, курдами и так далее, — с обречением всех на ссылку и гибель.

Я убеждена, что рождается новое сознание того, чем был этот наш век, новое его понимание и новая память о нем: это век тоталитаризма, а не войн. И на этой основе Европа и Россия должны вновь встретиться. Это объединяющая нас память и объединяющий нас траур, о котором мы должны думать и вместе делать выводы, вместе работать исходя из этих пережитых испытаний. Нет разделения между нами и вами; нет разделения между Западом Европы с ее горделивым денежным изоляционизмом и посткоммунистическим Востоком Европы, где якобы царят только беспорядок и бессмысленные, беспорядочные схватки, от которых рациональному Западу лучше держаться подальше. Нет этого разделения: Косовская война нам это продемонстрировала. У нас и у вас одни и те же испытания и страдания, и в этом все дело. Чернобыль, его уроки одинаковы для украинцев, русских и белорусов и касаются нас непосредственно. Нас сближает то, что вы пережили и чему научились в ГУЛАГе, этот ваш опыт помогает нам понять, как зло все время действует в мире. Нужна память и ваша и наша, чтобы установить какой-то порядок и благоразумие на этом континенте. Он так долго мучился, он породил столько великого — и столько человеческих мук и ужасов.

Мы нужны друг другу, чтобы понять истинное значение концепций, на первый взгляд, близких: освобождение, свобода. Освободившись, еще не становимся свободными. Свободным не становимся, потому что свобода есть ответственность. Бродский был прав, когда писал: «Освобождение — это лишь средство для того, чтобы достичь свободы, оно не синоним свободы. Если мы хотим вести себя как свободные люди, мы должны уметь проигрывать или по крайней мере делать вид, что способны принять поражение. Свободный человек, проиграв, не начинает швыряться камнями».

В этом контексте я хочу сказать вам, что сознание общей судьбы и общей памяти с трудом внедряется в Западной Европе. Здесь важно быть совершенно открытыми. Мы на Западе охотно прячем голову в песок, как страусы. Мало интересно нам, что происходит в России и вообще в посткоммунистическом мире, — пресса занята только состоянием здоровья Ельцина, статьи превращаются в отчеты о болезнях человека, которого ради большей экзотичности любят называть «царь Борис».

Отчасти это вызвано безразличием и исторической усталостью европейских народов. Но есть тут и оппортунизм, и политический расчет, и подлизывание к левым. В правительственных коалициях освободившихся от нацизма стран не могли участвовать нацисты. А после так называемого конца коммунизма есть коммунисты в правительствах освободившихся от коммунизма стран. Нюрнбергские процессы не было — никто, ни на Западе, ни на Востоке, не был призван ответить за то, что совершил, за ошибки, злодеяния и нарушения законов человечества в течение десятилетий. На Западе все еще смотрят на антикоммунизм как на недостойную и неприемлемую форму мышления и не осмеливаются сравнивать его с антифашизмом или антинаци-

Барбара Спинелли.

мом. Можно сказать, что память о тоталитаризме на Западе действует только наполювину, помнить можно только о сопротивлении нацизму и фашизму. Нет особенной охоты узнать, как велико, мужественно и грандиозно было сопротивление коммунизму.

Тайная сила демократии состоит в значении, которое придает борьбе со злом и в постоянном усилии самоограничения. В либеральном обществе невозможно найти единое и для всех приемлемое определение Добра, потому что невозможно объединить столько индивидуальных представлений о счастье. Но можно договориться о борьбе со злом, о сопротивлении угрозам. Классическая либеральная демократия открывает возможность спора и даже ссоры без кровопролития, возможность устранения коррумпированного политического класса без насилия и государственных переворотов. Можно сказать, что это в каком-то смысле негативная свобода, основанная на сомнении.

Я имею в виду классический либеральный путь, а не те формы демократии, установленной путем плебисцитов, к которым так стремятся сегодня на Западе и в которых свобода толкуется как возможность делать все что вздумается. Это явление, характерное для общества, в котором глубоко укоренен нигилизм. Это демократия, в которой все время растут требования и уменьшается ответственность и чувство долга. В этой связи я вспоминаю о заявлениях, сделанных Караджичем в самом начале войны в Боснии. Говорил он приблизительно так: «При монархии в Югославии мы были вынуждены жить вместе с другими и вести себя предписанным образом. Коммунизм стал очередной тюрьмой для сербского народа. Теперь у нас наконец демократия и мы можем делать все, что захотим». Это нигилистический синдром, превращающий пережитый опыт тоталитаризма в нечто совершенно внешнее по отношению к нам, мифическое и нас не касающееся. Вывод отсюда обычно бывает следующий: бог-коммунизм умер — значит, все дозволено.

Мне кажется, что в России живет и память о войне, и память о тоталитаризме, но последняя несравненно менее активна — впрочем, так же, как и на Западе. Она как будто парализована. Или же это два параллельных пути памяти, бесконечно далеких друг от друга и никогда не пересекающихся. Может быть, и этим отчасти объясняется некоторое непонимание между российской и западноевропейской интеллигенцией.

Много говорят о некоем унижении России, как будто война НАТО против Милошевича унижает вашу страну. Я не могу понять: откуда это выражение — «унижение»? Что унижительного в том, что осуждается преступление, так сильно напоминающее злодеяния, совершенные так называемым реальным коммунизмом против народов, которые впадали в немилость по этническим или расовым причинам? Как могут мыслящие люди говорить в унисон с Зюгановым?

Мне помнится, что Солженицын написал очень важные слова о том, что Россия может спастись, не быть раздавленной своим прошлым, если смирилась со своим геополитическим поражением, как это сделали в 45-м году Германия и Япония. Послевоенная Германия сдала в архив все вопросы утерянного суверенитета и отобранных территорий и все силы бросила на восстановление, возрождение, укрепление страны. Это было далеко не только материальное возрождение, хотя экономика играла большую роль, — оно было и нравственным, и глубоко демократическим. Строили европейскую Германию, навсегда отказавшись от мифа германизированной Европы. Для Германии это означало выйти окончательно из веймарской западни и создать республику, свободную от территориальных претензий и от мессианства. Я задаю себе вопрос: не стоит ли Россия на таком же распутье, между страстями обиды и мнимого унижения и серьезным стремлением к возрождению и строительству?

10/11/99

«Русская мысль»

МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Виктор Ярошенко:

Спасибо госпоже Спинелли за интересный, откровенный и возбуждающий дискуссию доклад. Нам действительно необходимо восстановить диалог между Европой и российской интеллигенцией, поскольку антиевропейская риторика коммунистов на Западе воспринимается уже как интегральная точка зрения всей русской интеллигенции. Я думаю, что реакция нашей интеллигенции гораздо сложнее, — по крайней мере, за этим столом присутствует ряд моих друзей, которые имеют очень разные точки зрения по этому вопросу и разные мотивы осуждения действий НАТО.

Екатерина Гениева:**«Почему так слабо звучит голос российской интеллигенции?»**

Несмотря на то, что мы с вами, несомненно, являемся элитарной привилегированной аудиторией, мы как бы отложили ответы на вопросы, которые так прямо, честно и совершенно определенно задала в своем выступлении Барбара Спинелли. Это говорит о том, что вопросы, которые были заданы, увы, справедливы. Главный вопрос, который я нашла для себя чрезвычайно важным и интересным, был таков: почему голос российского общества, российской интеллигенции по вопросам о Косове отчетливо не прозвучал? Постараюсь ответить на те вопросы, которые нам задала Барбара.

Я очень хочу надеяться, что наши голоса все-таки звучат, но, увы, должна констатировать, что они звучат, вероятно, так слабо, и так вяло, и так уже усталое-утомленное от того, что происходит на Балканах, что, конечно, испытываешь некоторое чувство стыда, когда этот вопрос так задается. Я думаю, что голос российской интеллигенции не прозвучал так, как он должен был бы прозвучать, потому что действительно институты гражданского общества у нас развиты весьма недостаточно. А теперь я позволю себе ответить, что я думаю по поводу Косова и по поводу злосчастных, ужасных и, наверное, необходимых бомбардировок (хотя это трудно произносить).

Я думаю, что мир зашел в отчетливый тупик. Он находится в этом тупике и на Западе, и в России, потому что считать то, что происходит в Югославии — где на ни в чем не повинное население сбрасываются бомбы НАТО, какими бы точечными и точными ни были эти удары, — нормальной ситуацией невозможно. Я просто как человеческое существо никак не могу принять те телетрансляции Си-Эн-Эн, где нам показывают (и я понимаю, почему), что надо делать и как нужно крепить бомбы, чтобы они точно попадали в определенные объекты; мой разум это принимает — все мое человеческое нутро против этого восстает.

Теперь давайте зададим вопрос: а правильно ли поступает НАТО, подвергая режим Милошевича бомбардировкам? Наверное, да, потому что нужно остановить фашизм в Европе. На исходе XX века никакие политические, дипломатические, экономические, религиозные и все другие силы не смогли остановить то, что происходит в Белграде у Милошевича. И я думаю, что если бы в России мы поменьше говорили о своей вымышленной солидарности с сербами, а наши различные силы применили бы различные пути воздействия на Милошевича и он не чувствовал бы здесь поддержку определенных политических сил, то, возможно, этот процесс мог бы быть скорее урегулирован. Такая колоссальная страна, как Россия, должна понимать природу происходящего в Косове — а в Косове происходит настоящий геноцид, — и для того, чтобы окончательно понять это, наше население должно быть хоть как-то минимально информировано об этом. По нашим телеканалам только дважды были показаны очень короткие — трехминутные — фильмы, которые смотреть было так же мучительно, как фильмы о Нюрнбергском процессе: о том, что происходит на самом деле в Косове. Я специально интересовалась статистикой по поводу истерии, связанной с НАТО, и могу сказать, что после этих телефильмов в российской провинции эта истерия начала убывать. Вопрос о том, что происходит на наших федеральном и региональном уровнях, вполне достоин осмысления, потому что отношение, скажем, Татарстана к происходящему в Косове сильно отличается от того, что будут говорить другие регионы России и наши федеральные власти. Почему? Потому, что там проживает национальное меньшинство.

Какой же выход из этого положения? Боюсь, что выхода нет. XX век заканчивается не тем, о чем мечтает и молит Господа Папа в молитве о единстве и примирении, — XX век кончается страшной, бессмысленной и тупиковой войной, которая, может быть, и прекратится с помощью российского и какого-либо еще вмешательства, но, на мой взгляд, совсем не факт, что Россия в эту войну не окажется втянутой. Наверное, этот страшный конфликт может быть остановлен только какой-то идеалистической акцией — вполне возможно, что той, которой требовала от нас Барбара Спинелли в своем докладе, когда спрашивала: почему наши голоса отчетливо не звучат? Наверное, эти голоса важны не только для мира — чтобы во Франции, Италии, Великобритании знали, сколь мы просвещены и сколь отчетливо понимаем, как опасен нацизм, фашизм, сталинизм и

так далее (мы-то хорошо это понимаем), — чрезвычайно важно, чтобы эти голоса звучали на той территории, на которой мы с вами живем, потому что ситуация с Милошевичем послана нашей Думе и остаткам нашего правительства для того, чтобы решать наши внутренние вопросы. Если наши дипломаты ничего не смогли, если западные дипломаты тоже ничего не смогли — а в истории не будет никогда оправдания ни тому, что делает Милошевич, ни тому, что произошло с людьми, на которых были сброшены натовские бомбы, — то, наверное, было бы очень важно, чтобы голоса тех, к кому мир может прислушаться (и в этой аудитории достаточно людей, к голосам которых мир в состоянии прислушаться), прозвучали.

Но, отвечая на ваши вопросы, Барбара, я должна сказать, что если наши голоса и не очень сильны — то какие уж есть. Я не хотела бы, чтобы вы ушли сегодня из этого зала, считая нас теми, кто быстро забывает свою историю и прячет голову в песок от всех конфликтов.

Егор Гайдар:**«Бомбежки НАТО в Югославии — очень серьезная ошибка с очень серьезными последствиями»**

Мне все-таки придется высказаться по югославской тематике, хотя я категорически не хотел этого делать. Я хотел бы, чтобы наша позиция была точно зафиксирована — по крайней мере так, как я ее вижу: мы всегда были против любых видов геноцида и любых видов репрессий на национальной почве. Я был среди тех, кто организовывал в Москве митинг против чеченской войны, зная, что режим Дудаева немногим лучше режима Милошевича, что там есть серьезные нарушения прав человека, не имея никаких иллюзий насчет того, что там «все хорошо», но твердо зная, что эти проблемы при обработке бомбежками станут не лучше, а хуже. Именно поэтому я считаю себя вправе высказать еще раз нашу позицию по косовско-югославскому вопросу.

Появилась новая европейская игра «в Освенцим»: ты называешь нечто Освенцимом, и это снимает с тебя обязанность думать, анализировать, задумываться о последствиях — о том, что будет происходить через 5-10 лет с ядерным распространением, как сложится ситуация в России и других странах, потому что если это «Освенцим», то все остальное не имеет значения — «мы должны остановить Освенцим».

Но из истории мы не знаем ни об одном Освенциме, который был бы остановлен методом бомбежек. На самом деле, если ты хочешь остановить Освенцим, посылай войска, пусть твои налогоплательщики-избиратели посылают своих детей — тогда они должны платить за это кровью и остановить Освенцим. Если это Освенцим — я пошлю своего сына воевать, чтобы его остановили.

Почему в демократиях работает принцип самосохранения? Почему демократии в подавляющем большинстве никогда не начинают войн друг с другом и очень редко вообще начинают большие войны? Потому что демократия так устроена; потому что люди не хотят посылать своих детей воевать — ведь за это надо платить кровью, а это политически непопулярно. А в современном мире можно выдумать такую своеобразную войну, за которую как бы не надо платить кровью. Да, она бессмысленна — потому что она не уничтожает режим Милошевича; за время этих бомбежек беженцев стало на 500 тысяч больше, и нет никаких признаков того, что в следующем месяце бомбежек их станет меньше; погибло в том числе и от рук Милошевича, несколько тысяч человек, и значительная часть их — мирные граждане; до бомбежек в Косове было три с половиной тысячи наблюдателей ОБСЕ, и руки у Милошевича были связаны.

А начало бомбежек означало вывод ОБСЕ, и не ввод туда натовских войск, а ввод 3-й сербской армии, а о том, что такое 3-я сербская армия, люди, которые начинали бомбежки, должны были бы знать. Если они этого не знали — тогда они некавалифицированные, аморальные люди, потому что берутся принимать решения о жизни и смерти людей, не понимая, о чем идет речь. Если они знали, то они тем более аморальные люди, потому что тогда они действовали из своих узкополитических соображений: так им казалось на сегодняшний день выгодно, так им хотелось показать, независимо от реальных последствий, свою «заботу» об албанцах, за которую албанцы потом заплатят еще сотнями тысяч беженцев, — показать их своих внутренних соображений, чтобы рейтинг их популярности поднялся еще на неделю-две-три. На мой взгляд, то, что сделали НАТО и Европа в Югославии, — это очень серьезная ошибка с очень серьезными последствиями. Я прекрасно знаю, что это тяжело объяснять значительной части европейского истеблишмента, хотя знаю, что это хорошо понимает значительная часть американской и европейской интеллигенции.

В этой связи я не могу согласиться с Барбарой Спинелли в том, что вся европейская интеллигенция как один человек сплотилась вокруг «замечательной идеи» массированных бомбардировок, которые на сегодняшний день привели к резкому

ухудшению ситуации в Македонии, в Албании, во всем Балканском регионе, потому что в России, где мы должны учитывать реальную, а не вымышленную ситуацию, в реальной России, разделенной между европейским выбором и евразийскими мечтаниями, где идет тяжелейшая борьба вокруг выбора будущего страны: пути в Европу или пути к союзу с Ираком, в новый концлагерь, — на эту реальную российскую ситуацию не могут не действовать те бомбардировки с известными последствиями, которые сейчас происходят. И так как нас сегодня в первую очередь волнует вопрос: как предотвратить катастрофические последствия для мира прихода «милошевичей» в России, потому что мы лучше других понимаем, что угроза «милошевичей» в России, к сожалению, исторически абсолютно реальна, и хорошо понимаем, что никто на Западе не знает, что делать с Милошевичем, у которого, к сожалению, есть куча ядерного оружия, — то все это есть наша серьезная забота, которая в полном объеме определяет нашу позицию по отношению к Югославии.

Мы категорически политические враги режима Милошевича; мы самым жестким образом осуждаем все, что он делает в Косове. Но для нас это не является оправданием безответственной глупости, которую, к сожалению, делает, на наш взгляд, НАТО.

Проф. Шанин:**«Если Милошевич не прав, это не значит, что право НАТО»**

Я думаю, что Гайдар сказал за меня большую часть того, что хотел сказать и я. Но есть кое-что, что я хотел бы добавить. Я — британец, и в данный момент «я бомблю Косово и Югославию всеми силами моих воздушных соединений» и т.д. Я также — лейборист, так что это — мое правительство, за которое я как будто бы несу ответственность. Может быть, на вопрос, почему русская интеллигенция молчит, мог бы ответить я, потому что я живу в России: я думаю — как сказано в одном философском трактате, — люди молчат, потому что им нечего сказать. А нечего им сказать, потому что то, что Милошевич не прав, не значит, что право НАТО. И когда обе стороны ужасны — люди молчат. Было бы странно, если бы они начали говорить. Что они могли бы сказать?

Мне еще хочется сказать, что увеличивается не разделение между Западом и Востоком, а разделение среди людей, которые принимают ложь или лгут сами, и людей, которые не желают принимать ложь. И если эта война будет продолжаться, характер политических разделений и в Западной, и в Восточной Европе, я надеюсь, изменится.

Алексей Улюкаев:**«Мы должны критиковать НАТО, но с позицией солидарности»**

Обычно косовский конфликт сравнивается у нас с чеченским, а я бы провел аналогию с другим событием, тоже в России, — это октябрь 1993 года, то мероприятие, для которого я придумал название «санация представительных органов власти». Хорошо ли было стрелять по зданию парламента? Отвратительно! Погибли невинные люди? Да. Это страшная беда, страшное зло. Можно было без этого обойтись? Думаю, что нельзя. Похоже, что силовое разрешение балканского узла — это нечто неотвратимое. У меня есть индивидуальные претензии к НАТО (ровно такие же, как к президенту Ельцину в 1993 году) — они состоят в следующем: слишком поздно — всегда, когда ты развязываешь узел слишком поздно, ты развязываешь его слишком грубо и причиняешь слишком много неприятностей, в том числе и невинным людям. Тем не менее узел должен быть развязан.

На самом деле эта проблема сопрягается с тем, сколько полюсов у мира: полярность — неполярность. Нам нужно признать, что в мире один полюс, что это однополярный мир, а все остальное, идея многополюсности, — это от лукавого... Мы должны и имеем право критиковать НАТО, но сначала: а) солидаризироваться с НАТО и б) критиковать его с позиции солидарности с ним. Если мы критикуем НАТО не изнутри, а с другого полюса, это значит, что мы все-таки солидаризируемся с другой тенденцией развития — не европейской, не цивилизационной.

Владимир Кантор:**«Мы молчим, потому что в этой ситуации поддерживать нечего»**

Многое из того, что я хотел сказать, было сказано Шаниным и Гайдаром. У меня такой вопрос: когда-нибудь русская интеллигенция поднимала голос в защиту сильных? В общем-то, никогда. Всегда ее позицией была защита слабых. Это было ясно в Чечне: «Конечно, Дудаев делает гадости, но бомбить Чечню нельзя, потому что в этом случае мы выступаем с позиции силы», — и интеллигенция выступила против войны в Чечне... «Да, конечно, Милошевич — негодяй...» У меня есть друзья-сербы, которые выступали против Милошевича, организовывали демонстрации, и их первая реакция была: «Хорошо бы по Милошевичу ударили... Вот начали бомбить — и

слава Богу!» А потом стало понятно, что бомбят-то не Милошевича, а Сербию — а это разные вещи.

Возникает вопрос: мы стремимся в Европу (я сам об этом все время пишу), но что такое европеизация — процесс это или некая статика? Европеизирована ли до конца Европа? Европа выдала некие фундаментальные ценности, которым она сама порой не совсем адекватно отвечает, и в этом смысле европеизация Европы, Запада — это процесс, и он продолжается. Если мы подумаем, что Европа достигла своего «потолка» и на этом кончилась, тогда стремиться некуда; тогда, как говорил Достоевский: «Хрустальный дворец, все сошлось...». Если мы принимаем Европу как нечто уже состоявшееся и окончившееся — плохо; если мы имеем право ее критиковать, понимая, что она порой сама себе неадекватна, тогда мы (по крайней мере — я) за такую Европу — за ту, которая еще проходит стадии становления.

Какие последствия от того, что мы будем бомбить? Ломается режим Милошевича? Нет. Против Милошевича на свободных выборах было 49% сербов — так, может быть, в этой ситуации можно было поиграть как-то по-другому? Видимо, можно было, но — «обсудили и не сочили», как говорили партийные товарищи...

Надо ли поддерживать Милошевича? Разумеется, нет. Но надо ли поддерживать НАТО? У меня ответ категорически отрицательный. Возможно, после бомбежек все это прекратится, режим Милошевича падет; но «после» еще не значит «в результате», и, скорее всего, он падет в результате того, что есть те внутренние 49% сербов, которые не хотели Милошевича, и рано или поздно они его-таки свалят.

А говорить о том, что русская интеллигенция молчит... Да нет, она не молчит! Она все время говорит — всегда; если бы она молчала, она не была бы русской интеллигенцией. Мы говорим все время; просто в этой ситуации поддерживать нечего.

Игорь Яковенко:**«Народ Сербии должен платить за имперскую политику своего правительства»**

Мне близки многие соображения из тех, которые я здесь услышал; я отчетливо понимаю, что, когда Запад говорит, что он борется лично с Милошевичем, это некоторая идеологическая конструкция: Милошевич сидит в каких-то бункерах, а геноцид ведут реальные люди. Милошевич опирается на часть сербского общества; я глубоко убежден, что народ отвечает за свое правительство и в этом смысле за империю, а Сербия реализует имперскую политику в конце XX века на территории Европы. Народ Сербии должен платить — такова моя позиция; ее можно принимать, а можно не принимать.

Позиция Егора Гайдара реализует некоторую либеральную точку зрения российской либеральной интеллигенции. Но дело в том, что эта позиция, во-первых, не доведена до широких кругов общества как целого, и, во-вторых, что гораздо печальнее, в целом реакция общества исходит совсем не из этих соображений — неприятие развития ситуации в Югославии имеет два истока: первый — активное, ослепленное антизападничество, причем в этой ситуации Россия оказывается в одиночестве (не считая батьки Лукашенко, поглывшего к нам в союзники) — все славяне, все православные народы, Грузия, Украина и многие другие выбирают другой берег, и Россия оказывается не со славянами, а с теми обществами (и во главе их), которые сегодня не принимают европейского развития.

Второе принципиально важное соображение, на котором базируется массовая солидарность с Сербией, — это чисто имперская психология. Скажем честно, что наши симпатии к «братьям-сербам» — не православно заданные, не славянски заданные, а связаны с тем, что сербы пытаются сохранить остатки империи. Из того, что в России распалась империя, не следует, что русский народ перестал быть имперским по своей психологии.

Но у меня есть некоторые основания для оптимизма, они состоят вот в чем: мы имеем дело с платонически имперским сознанием и с платонической антизападностью. За империю надо платить — железным занавесом, огромными налогами, милитаризацией экономики, — к этому русский народ не готов. Брать на себя бремя империи — а русские брали на себя бремя империи: жили в нищете, делали ракеты, «боролись», — на это народ уже не пойдет...

Российское общество доживает последние моменты имперского сознания — оно еще хочет и империи, и противостояния Западу, но так, чтобы при этом чудесным образом были и видеомониторы, и компьютеры, и 15 телепрограмм, и западные товары, и поездки на Запад, — того и другого одновременно не бывает. И такую же дилемму переживает и сербское общество: хочешь иметь империю — имей полноценную войну с Западом, имей историческую ответственность за империю; хочешь стать частью западного общества — откажись от империи... Вот то важное, что я хотел сказать по поводу нашей первой, очень большой и серьезной проблемы.